

ОТКРЫТИЕ

Пародия Е. ТОЛКАЧЕВА

Иллюстрации
М. ГЕТМАНЬСКОГО

ДОКТОРА МИНАЕВА

КОЛЛЕКТИВНАЯ НЕНАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Советский приключенческий рассказ часто носит еще и себе отпечаток штампа, в большинстве случаев он схематичен и нередко подражает худшим приемам так называемого авантюрного романа эпохи расцвета западно-европейского и американского империализма.

Этим приемам мы объявляем беспощадную борьбу. Знамя «Борьбы Миров» — знамя советской героики, славящей борющийся за социализм коллектив, знамя революционной романтики сегодняшних дней и подлинно научной фантастики, помогающей нам видеть близкое «завтра» социалистического строительства.

«Открытие д-ра Минаева» пародирует типичные литературные приемы, язык и стиль советских «приключенческих» авторов.

Гл. I. А. Беляев — Человек с четырьмя ногами

МИЛИЦИОНЕР Потапов только что сменил товарища на посту, на углу Никольской и Собачьей площадки, когда к нему быстро подошел неизвестный гражданин.

Гражданин был прилично одет в форму совслужащего с туго набитым портфелем. Подмышкой у него был толстый том «Жизнь животных» Брэма, «Жуки Европы» и «Психоанализ» З. Фрейда в трех томах с золотым обрезом.

Гражданин положил книги на мостовую и спросил:

— Скажите, пожалуйста, как пройти на Красную площадь через Земляной вал?

Усердный служака, милиционер Потапов, сызмальства знавший Москву, как свои двадцать пальцев, поднял брови, вынул из кармана потрепанный справочник, помуслил палец и стал листать.

— Гыр-у!— взревела вдруг вынырнувшая из-за угла машина.

Занятый справочником милиционер Потапов не заметил, что грузовик летит пря-

мо на «Жуков Европы», а когда заметил, было уже поздно — несчастье было не предотвратимо. В грузовике сидели дошкольники из 4701-го детдома «Красная Кошечка». Из-за поломки грузовика они не успели накататься всласть на 1 Мая, и заведующий детдомом, Мартын Иванович Шкрабов, сегодня организовал катанье для молодой смены.

Грузовик мчался.

Золотистое солнце золотило золотые маковки златоглавой Москвы и озаряло смутно сереющие серо-серые суровые сумерки стандартных строений, сооруженных силами смелых строителей.

Деловая жизнь на Никольской кипела: спешили озабоченные люди с портфелями, люди без портфелей и портфели без людей. А на Собачьей площадке и тем более в Лялином переулке никакой жизни не было вообще. Только по краю дома гулял лунатик, а в подземной лаборатории профессор изобретал перпетум-мобиле.

А грузовик мчался.

В это время сторож Зоопарка Кузмичев Андрей с группой юных натуралистов и корзиной мяса совершал обход и кормление зверей. Ласково похлопав по плечу льва «Мишку» и кинув ему полтуши быка, Андрей подошел к своей любимице, дикой туркестанской осе «Муське», почесал ей за ухом и стал угощать медовой коврижкой. Оса жмурилась от удовольствия, юные натуралисты плакали от умиления.

— Животная дикая, а понимает,— гордо сказал Андрей.

А грузовик мчался прямо на громадный том «Жуки Европы». Несчастье было неминуемо.

На террасе дома отдыха известный хирург Филиппов рассказывал затаившим дыхание слушателям о замечательном случае препарации черепа с пересадкой левой задней доли мозга и седалищного нерва, которую он совместно с неким доктором Минаевым произвел обезьяне Геко, жаловавшейся на шум в ушах.

— И вообразите мое удивление, — сказал он, — когда доктор Минаев вынул нож, отрезал у обезьяны ноги, приставил свою машину особой конструкции и... у Геко выросли новые ноги.

Слушатели были потрясены.

А грузовик был совсем близко.

Быстрее молнии гражданин в форме совслужащего бросился к своим книгам. Поднять «Жуков Европы» без домкрата он был не в состоянии, остановить автомобиль тоже. Тогда с быстротой света (300 000 километров в секунду) он подставил правую ногу мчавшемуся автомобилю.

Раздалось — крак. Грузовик на полном ходу переехал его правую ногу, от удара отклонился в сторону и быстро свернул в Лялин переулок, увозя перепуганных дошкольников.

Милиционер Потапов подумал:

«Теперь справочник не нужен».

Спрятал его в карман и направился к лежащему гражданину.

Правая нога незнакомца лежала отдельно, все остальное — отдельно. Мостовая была залита кровью раненого грузовиком.

Милиционер вынул свисток, но гражданин приподнялся и хрипло сказал:

— Не зовите никого. Я — доктор Минаев. Я сам вылечусь.

И тут на глазах милиционера произошло чудо. Доктор сел, передал отрезанную ногу милиционеру, вынул из кармана провод и приставил его к обрубку ноги. Где-то послышался глухой рокот. Через десять секунд из кровоточащего мяса показались пять розовых ногтей, затем плюсна, предплюсна, голень, колено (подробнее см. анатомию), и через минуту доктор встал на ноги. Сняв с отрезанной ноги чулок, ботинок и полштанины, он надел их на свежееотросшую ногу, поднял свои книги и портфель, кивнул милиционеру и свернул в переулок.

А милиционер Потапов так и остался стоять с отрезанной голей ногой в руках.

Гл. 2. Л. Никулин. — Прошлое доктора Минаева

Миндаль на Украине¹ не цветет. А может быть, и цветет, только в 1919 г., когда комдив Спудя гонялся по всей Украине за бандюком батькой Рябым, тогда миндаль не цвел. Зато цвели артишоки.

У комдива были усталые кони и шашка с золотой насечкой, снятая с генерала Чупаева, а у батьки—обоз тачанок с пулеметами. Зато у комдива под началом были красные кавалеристы, а батько орудовал с босыми бандюками в шелковых шароварах.

От батьки плакали черноглазые украинки, утирая слезы паляницей, а от комдивовых ребят улыбались чернобровые красавицы и стыдливо прикрывались плахтой.

Тринадцатого мая порубил Спудя бандюков без числа и отбил у них пленных, броневик и доктора. Пленных освободил, броневик пустил в расход, а доктора Минаева призвал к себе и допросил.

И странную историю рассказал ему доктор Минаев.

¹ Украина - советская социалистическая республика — входит в состав нашего Союза, занимает площадь 00 000 000 миллионов гектаров с севера на юг и 00 000 миллионов километров с юга на север. Прим. ред.

Гл. 3. Е. Бывалов. — Морской пролетарий

«По происхождению я — моряк, по образованию — пролетарий. А доктором я стал случайно, когда четвертый боцман-мат поскользнулся о новый мат, запустил витиеватый мат и раскрыл свой ахтерштевень о фордевинд.

Я сидел в кочегарке, угнетаемый царским режимом. Услышав шум падения, я пренебрег конспирацией и вышел на грот-бомбрамсель.

Капитан Соколов, жуткий слуга капитализма, обозвал меня собакой и приказал починить боцман-мата.

Я вправил несчастному поврежденный ахтерштевень и забинтовал просмоленным канатом. К моему удивлению он выжил, и я стал доктором.

Потом мы попали в мертвый штиль. Паруса у нашего дизеля бессильно повисли, винт закрутился до отказа и стал, жалобно скрипнув, а фок-мачта нафокалась до одурения и тяжело прилегла на капитанский мостик.

Капитан Соколов, зверский прислужник капитализма, крепко выругался, бросил в юнгу Васю тяжелой грот-вантой, отчего у бедняги голова треснула, как яйцо, и, поскользнувшись, упал на крюйт-

камеру. Он дико застонал: у него отвалилась левая нога.

Кругом столпились мрачные матросы. — Собаке и смерть собачья, — весело сказал Арсентьич, рулевой.

— Что с ним? — спросил марсовой, Будкин.

— Да вот, нога отвалилась. От злости, наверно.

— Ничего, другая вырастет, — уверенно сказал Будкин.

Гл. 4. И. Окстон. — Загадочная загадка разгадывается

И тут меня осенила ослепительная мысль

Я бросился в свою каюту особого устройства, быстро собрал изобретенную мною машину, с особого рода конденсаторами, специально мной изобретенными, приладил особые регуляторы, вдвинул странной формы рычаги и провода и подошел к лежащему.

Все почтительно расступились передо мной. Я соединил остаток ноги капитана особой трубкой с изобретенной мною машиной, вдел сложной системы провода, прицепил специально приделанные рычаги и нажал крохотную черную костяную кнопку, на которой тайным шрифтом, только мне одному понятным, было написано:

Ос...оруж..о. Оп..сно для ж..зни.
Без р..зин .вых перч...ток не п... ходит..
Бер .ги е карм...ны.

Машина работала, матросы ахали, ветер гудел, океан грохотал, дождь барабанил, солнце светило, луна плыла, звезды сияли, капитан стонал. Все было в порядке.

Вдруг матросы ахнули сильнее прежнего. Капитан перестал стонать и удивленно осмотрелся: из обрубка ноги лезла... лезла неудержимо новая нога, розовая, пухлая, перевязанная ниточкой, свежая, только что с фабрики.

Гл. 5. Д-ра Саркизов-Серазини. — На юг

Старый матрос Арсентьич взял подмышку руль, обнял меня и прослезился:

— Ну, доктор, уж и доктор, а и доктор ты.

Капитан встал и, как побитая собака Ильдиз-Кихка, пошел прочь.

Я гордо выпрямился и сказал:

— Держите курс на Константинополь. Знаете, кто я. Я — потомок венецианских дождей.

По рядам пробежал почтительный шопот:

— Они сошли-с с ума-с.

Но я был тверд, и мы переменили курс.

Как хорошо пенились волны, как весело играли ракушки. Молодые красавицы-голотурии и раки-отшельники подплыли к самому борту и нежно шептали:

— Здравствуйте, доктор.

В Константинополе мы выбрали уютный караван-сарай, дали хороший бакшиш своему мулле, пообещали подарить ему живого шайтана, за что он назвал нас ишаками, и вообще уютно устроились.

К нам приходили курды, хурды, мурды и делились со мной своими заветными ятаганами:

— Доктор, спаси нас. Спаси нас, доктор, — говорили они.

И я решился.

Гл. 6. А. Сытин. — В песках

Рано утром, погрузив свою машину на верблюдов, я с отрядом красноармейцев двинулся через Ферганскую степь. Перед нами мелькали аулы, улусы и убрусы.

Хищные баи угнетали несчастных декхан, кружились в предутренней мгле янтарно-бирюзовые пески, и восходило древнее солнце, кланяясь отряду и говоря:

— Селям-aleyкум, красный эффенди.
Так шли мы до Джетатура-Пуси.

По дороге мы разбили две банды мулай-гафизов, зато я попал в плен к загадочному племени басмачей.

Со мной обходились нехорошо: заставляли итти пешком по зыбучим пескам, отчего у меня лопнули глаза, и кормили вареным саксаулом.

Но машина была со мной.

Гл. 7. М. Зоценко. — Ловкие ребята

Так-то вот, братишечки, дошли мы до города Ленинграда. Большой такой город, замечательный. Поселился я на Обводном канале в комнатусечке, завел себе прикус, об'явился в соцстрах:

«Инвалид, — говорю, — кумпола у меня не хватает». Ну, известно, пенсию дали, сто целковых, как я красный про-

фессор и, может, машину какую выдумал.

Отрастил я себе новые руки-ноги, ничего, гуляю. А как в соцстрах за пенсией итти, под трамвай номер пятый свои руки-ноги ложу и в таком, можно сказать, индустриальном виде заявляюсь.

Ничего, кормлюсь».

